

Н. А. Богомолов (Москва)
Лидия Норд и инженеры душ

Бывают странные, хочется сказать, порывы исследователей, когда вдруг возникает из забвения абсолютно безвестный человек, и выясняется, что про него знать хочется очень и очень многим. И находятся люди, готовые по крупицам восстанавливать биографию, рыться в поисках следов в старых газетах, читать вполне бездарные, но чем-то характерные сочинения. Героиня нашего рассказа — как раз героиня такого порыва.

Первыми, еще в 2006 г., о ней написали Б. Равдин и Г. Суперфин, собрав и интерпретировав множество разнообразных фактов из печатных и рукописных источников, и стало ясно, что все, до сих пор известное о Лидии Норд, надо подвергнуть сомнению. Собственно говоря, об этом их же статья, помещенная в недавно вышедшем таллинском сборнике «Культура русской диаспоры: Эмиграция и мемуары»¹. Приведем только краткую сводку достоверных сведений о ее биографии.

Ольга Алексеевна Оленич-Гнененко родилась ок. 1907 г. Наиболее известен среди ее родственников в качестве литератора Александр Павлович Оленич-Гнененко (1893—1963), переводчик стихотворений Э. По и «Алисы в стране чудес». Судя по всему, она

© N. A. Bogomolov, 2010

© TSQ 34, Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ См.: Равдин Б. А., Суперфин Г. Лидия Норд как источник // Культура русской диаспоры: Эмиграция и мемуары. Таллин, 2009. С. 199—204. Как указывают сами авторы, статья эта восходит к их письму в редакцию: Равдин Б., Суперфин Г. Тайна жизни писательницы // Наша страна (Буэнос-Айрес). 2006. 18 марта. № 2792. Вероятно, побудительным мотивом к разработке биографии писательницы послужило более раннее письмо в редакцию той же газ.: Осина Т. О Лидии Норд // Наша страна. 2003. 1 нояб. № 2732. См. также нашу заметку: Богомолов Н. А. Из заметок по истории русской зарубежной литературы и журналистики. 3. К биографии Лидии Норд // Кафедра критики — своим юбилярам: Сб. ст. в честь В. Г. Воздвиженского, Л. Ш. Вильчек, В. И. Новикова. М., 2008. С. 38—42.

действительно обладала некоторыми знакомствами в ленинградском литературном мире, однако о ее собственной литературной и журналистской деятельности в СССР сведений собрать не удалось. Судя по «Указателю заглавий произведений художественной литературы» (М., 1985. Т. 1), названной ей своим произведением повести «Встреча» или вообще не существовало в природе, или она не была доведена до печати. В 1930-е годы ее мужем был Николай Николаевич Курков (1897—1943, в магаданских лагерях), майор, старший преподаватель тактики Артиллерийских Краснознаменных курсов усовершенствования командного состава РККА, расквартированных в Детском Селе. По ее собственным рассказам, была военным корреспондентом в финскую и Отечественную войну, там ранена и попала в немецкий плен. Вероятнее всего, на самом деле во время финской войны она на фронте не была, но каким-то образом оказалась сотрудницей некоторых газет армии Власова. После войны перебралась в Англию, вышла замуж, в начале 1950-х годов работала ночной сиделкой в психиатрической больнице и довольно активно печаталась. Умерла она в Лондоне в 1967 г.

Наиболее известна среди историков или людей, претендующих на это звание, ее книга о М. Н. Тухачевском, опубликованная в 1957 г. в парижском журн. «Возрождение»² и тут же вызвавшая ряд обвинений в недостоверности (отметим дискуссию в «Новом русском слове» осенью 1957 г.³). Однако наше внимание привлекла другая ее работа — цикл статей «Инженеры душ», печатавшийся в газ. «Русская мысль» в фев.-марте 1950 г.⁴, а впоследствии изданный отдельной небольшой книгой в 1954 г. издательством бунос-айресской газ. «Наша страна»⁵.

Тексты двух публикаций совпадают в значительной степени, но все же не настолько, чтобы можно было считать их практиче-

² Норд Л. Маршал М. Н. Тухачевский // Возрождение. 1957. № 63—69, 71.

³ См.: Сергеев А. Свояченица Тухачевского // Новое русское слово. 1957. 1 сент. № 16136; *Его же*. Необходимое исправление // НРС. 1957. 8 сент. № 16143; Лидия Норд отвечает А. Сергееву // НРС. 1957. 20 окт. № 16185; Сергеев А. Дым без огня // НРС. 1957. 3 нояб. № 16199.

⁴ 10 февр. — 3 марта. № 214—220. В дальнейшем при цитировании указываем только день, в который вышла газета.

⁵ Для цитат из книги в дальнейшем указываем только номера страниц непосредственно в тексте.

ски идентичными. И первая проблема, которая возникает перед исследователем, — какой текст первичен, а какой является результатом переработки. Ведь вполне возможен не только естественный вариант, но и обратный: для публикации в газете очерки были сокращены, в книжном же тексте появились полностью. Однако хронологические расчеты убеждают в правильности варианта естественного: в первом же номере газеты, 10 февраля, появилась небольшая заметка «Анна Ахматова», которая для отдельного издания была переработана под влиянием появившегося в 14-м, т. е. относящемся уже к середине апреля, номере «Огонька» цикла «Слава миру»⁶. Конечно, мы не можем отрицать возможности переделки других фрагментов текста в обратном порядке — от некоего первоначального пратекста к газетной публикации, а далее — его восстановление, но все-таки более резонным кажется склониться к первому⁷.

Это существенно, поскольку в нескольких случаях мы сталкиваемся с примечательными случаями разночтений. Так, в рассказе про возвращение А. И. Куприна в Россию (уже советскую) один эпизод не может не привлечь внимания. В газете читаем: «Через некоторое время один писатель, навестивший Куприных, рассказал близким друзьям следующее...» (22 февраля) — и далее следует пересказ. В книге же перед нами совсем иное: «Попала я к Куприным...» (С. 62), далее: «Вполне возможно. Это у нас называется “бдительностью”», — усмехнулся/усмехнулась я». Возможно, что намек на истинного рассказчика читается в схожих фразах. В газете: «<...> закончил писатель свой рассказ о посещении Куприна» — а в книге: «<...> сказал мне В. Я. Шишков после одного из посещений Куприна». Это не то посещение, рассказ

⁶ Практически дословно этот фрагмент перенесен из другой публ. Норд — «Трагедия Анны Ахматовой» (Бюллетень русского Общества помощи беженцам в Великобритании. 1951. 6 сент.; мы знакомы с этой публ. по кн.: *Тименчик Р.* Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto, 2005. С. 445-446). В свою очередь, она, видимо, основывалась на публ. с тем же названием, где были перепечатаны тексты из «Славы миру» (Рус. мысль. 1950. 18 окт. № 285).

⁷ Ср. также в недатированном письме Норд к Н. Н. Берберовой: «Отрывки, которые помещала “Русская Мысль”, — это главы из книги, я ее скоро закончу. Но что будет дальше? Смогу ли я ее опубликовать — не знаю» (*Богомолов Н. А.* Указ. соч. С. 40).

о котором как о собственном подробно воспроизведен, но расположена фраза так близко, что трудно удержаться от соблазна спроецировать ее и на первое.

Про Бруно Ясенского (впрочем, и в газете, и в книге он именуется Ясинским или даже Яссинским) в книге сообщается: «<...> просидевший год и одиннадцать месяцев в тюрьме (вернее в разных тюрьмах Ленинграда и Москвы), был выпущен инвалидом, с выбитым на допросе глазом». В газете ни про время заключения⁸, ни про выбитый глаз ничего нет, зато сохраняется рассказ про то, что он был выпущен на свободу и на следующий день повесился. И тут газета добавляет колоритную деталь, опущенную в тексте книги, — в номере гостиницы «Астория».

Характерным образом меняются списки различных людей. Так, в газете она пишет: «<...> появились сообщения, что в СССР возвращаются Бунин, Куприн и Мережковский. Но из крупных писателей вернулся в то время только граф А. Н. Толстой» (10 февраля), а на с. 8 книги находим уже другую подборку имен: «Одно время в газетах появилось сообщение, что в СССР возвращаются Бунин, Куприн, Мережковский, Гиппиус, Тэффи. Но из крупных писателей вернулись в то время только Горький, А. Толстой да поэтесса М. Цветаева». Отметим характерное для воспоминаний «то время», в котором объединяются 1923, 1932 и 1939 гг. Еще один список. В газете: «В краснодарском изоляторе скончались Осип Мандельштам и Борис Корнилов. Где-то томятся В. Катаев, Н. Заболотский <так!>, А. Рыбаков и ряд других талантливейших писателей и поэтов» (Там же). На с. 10 книги после фамилии Бориса Корнилова читаем иное: «Умер в заключении и Тарасов-Радионов. Расстреляны Б. Пильняк, С. Колбасьев, Артем Веселый. Где-то в ссылке томятся Н. Заболотский, В. Кириллов, Андрей Рыбаков, В. <так!> Буданцев, И. Катаев (брат В. Катаева), С. Клычков, В. Ветов и десятки других». Здесь интересен и сам набор имен, и его изменения. В газетном списке вызывает серьезное недоумение то, что в список «талантливейших» попал неведомый Рыбаков (имени Андрея Рыбакова нет ни в словаре Мацуева,

⁸ Отметим к слову, что указанное Норд довольно близко совпадает с наиболее, кажется, реальным рассказом про судьбу советско-польского писателя: он был арестован 31 июля 1937 г. и расстрелян 17 окт. 1938 г. (в полном противоречии с тем, что рассказывает далее Норд), т. е. через год и два с половиной месяца после ареста.

ни в генеральном алфавитном каталоге РНБ, ни в сводном именнике к «Указателю заглавий художественной литературы» — существеннейших справочниках, регистрирующих авторов массовой книжной продукции), отождествить которого с Анатолием Рыбаковым невозможно по целому ряду причин. Недоразумение с Катаевым объясняется исправлением — в свою очередь ложным — в книге. Военных и послевоенных литературных новостей, исходящих не из печати, она очевидно не знала, так что о возвращении Заболоцкого не слышала. Но стоит в то же время обратить внимание на факт, не бросающийся в глаза, — на появление в списке имени В. Ветова. На счету этого писателя было всего-навсего четыре небольших детских книжки и публикации в журналах «Охотник» и «Всемирный следопыт», жил он вдали от тех мест, с которыми была связана Норд (в Сергиевом Посаде — Загорске), но, тем не менее, она знала о его аресте и ссылке в 1934 г. (но конечно, что вполне естественно, не знала о расстреле в Андижане в окт. 1937 г.). Видимо, это должно означать, что она знала и его настоящее имя — Владимир Сергеевич Трубецкой, поскольку в следственных документах он проходил именно под ним⁹. Как видим, при колоссальной путанице в фиксации судеб жертв сталинских репрессий Норд может сообщить и нечто неординарное, вдруг привлекающее внимание.

То же может относиться и к другим рассказам автора. Не понимая внутренних пружин происходящего, путая дела и дни, она, тем не менее, фиксирует отдельные существенные события в сфере литературы. Вот один из примеров, связанный с поэзией и личностью Ахматовой.

Говоря о событиях середины 1930-х годов, Норд пишет: «Последней каплей, решившей участь А. А. Ахматовой, был вопрос, заданный непосредственно одним крупным французским писателем Сталину:

— Жива ли лучший лирик А. Ахматова и где можно достать последние ее стихи?

⁹ Подробнее о В. С. Трубецком (1892—1937), брате выдающегося филолога Н. С. Трубецкого, см.: <Полыковская В. П. Предисловие к публ.: Трубецкой В. Записки кирасира> // Наше наследие. 1991. № 2. С. 55—57; Ашин Ф. Д., Алпатов В. И. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994 (по указателю имен).

Ахматову подняли телефонным звонком с постели и попросили к утру приготовить все ее стихи, для издания их. В суматохе цензура пропустила стихотворения, посвященные поэтессой сыну, находящемуся в ссылке. На это указал сам Сталин, прочитавший выпущенный сборник. Посыпались сверху разгоны всем издававшим сборник» (10 февраля). В книге уже было указано и имя этого писателя: «Неизвестно, долго ли выдержало бы такие условия ее здоровье, но приехавший в СССР Ромен Ролан <так!> спросил лично у Сталина: “Жива ли еще Анна Ахматова и где можно достать стихи этой замечательной поэтессы?”» (С. 51), и далее следует несколько обработанная версия, вкратце сообщенная и ранее: было обещано издать два тома стихов Ахматовой, первый вышел, возмутил Сталина, после чего второй составляли весьма пристально и в конечном счете он не появился.

Конечно, рассказ в его подробностях не выдерживает критики: стенограмма двухчасовой беседы Роллана со Сталиным летом 1935 г. опубликована (правда, много лет спустя), и ничего подобного там нет. Поверить в отсутствие дискретности у писателя и дипломата А. Я. Аросева, служившего переводчиком во время беседы, вряд ли возможно. Да и сама ситуация, безусловно, невероятна: в 1935 г. Сталин приказывает спешно издать книгу Ахматовой, ее моментально выпускают, только вот выходит в свет она практически через пять лет — в мае 1940 г.

Однако сам по себе вопрос о причинах внезапной милости и ее хронологических границах, безусловно, остается. И на него пока что, кажется, нет другого ответа, кроме того, что уже давно дал Р. Д. Тименчик: «В феврале 1939 года на приеме в честь писателей-орденоносцев Сталин что-то спросил об Ахматовой. Вскоре появилось сообщение о том, что ее новые стихи <...> напечатают в “Московском альманахе”»¹⁰. Как конкретно осуществлялось издание книги, известно из подготовительных материалов для действительно состоявшихся «разгонов всем, издававшим сборник», т. е. закрытого постановления секретариата ЦК ВКП(б): «Книга Ахматовой в Лениблгорлите проходила несколько необычно. Директор издательства “Советский писатель” тов. Брыкин торопил подготовку книги Ахматовой, мотивируя это тем, что на одном из совещаний в Москве т. Сталин интересовался, “почему не печат-

¹⁰ Предисловие // Ахматова А. Requiem. М., 1989. С. 21.

тается Ахматова". Об этом тов. Фадеев сообщил писателям и литературным работникам Москвы»¹¹. После этого последовали выговоры Н. А. Брыкину (на деле он был директором лишь Ленинградского отделения издательства), директору всего «Советского писателя» и политредактору Главлита, а книгу было постановлено изъять¹². А «вторым томом» Норд явно именуется доведенную до стадии корректуры книгу «Стихотворения в одном томе» (М.: ГИХЛ, 1940). Перепутав даты и обстоятельства, Норд тем не менее вводила в поле зрения эмигрантского читателя достаточно существенную проблему, разрешенную лишь долгое время спустя.

Попробуем рассмотреть проблему соотношения правды и фантазии еще на одном примере — главе о С. Есенине. В газетной публикации ее не существовало, вместо нее был напечатан ничтожный по размерам раздел «Ответ Есенина Демьяну Бедному». Для книги глава разрослась, однако простора для размышлений о сути воспоминаний (и размышлений) Лидии Норд она дает более чем достаточно.

Начинается глава с рассказа автора: «Есенина я увидела впервые, когда мой родич попросил меня занести по дороге его рукопись Н. П. Баскакову, возглавлявшему тогда Петроградский Дом Печати» (С. 32). По цитируемым стихам Есенина («Русь советская») год можно определить вполне однозначно — 1924. Именно тогда, во время летнего (июнь—июль) приезда была закончена «Русь советская» и могло выглядеть естественным, что цитату из стихотворения автор вводит в разговор. Однако, как кажется, Н. П. Баскаков (с которым, видимо, Норд действительно была знакома) тут упоминается совершенно зря. В этой связи приведем, например, следующее свидетельство: «Разгром зиновьевско-каменевской оппозиции на XV съезде партии в дек. 1925 г. был началом заката "Ленинградской правды" и "Красной газеты": и когда "сталинская комиссия" (во главе с В. М. Молотовым и С. М. Кировым) прибыла в Ленинград для чистки ленинградской партийной

¹¹ Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889—1966. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. С. 327.

¹² Там же. С. 327—328. См. также: Гончарова Н. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. М.; СПб., 2000. С. 236—237; Рубинчик О. Анна Ахматова и советская цензура. Статья первая // Печать и слово Санкт-Петербурга. СПб., 2005.

организации, то она занялась не только чисткой партийной организации “Ленинградской правды”, но и чисткой редакции “Ленинградской правды” <...> Как-то незаметно исчез главный редактор “Ленинградской правды” Г. Сафаров, и его место занял М. Рафаил, общественный обвинитель на Чубаровском процессе в 1926 г. Н. П. Баскаков был назначен заведующим Ленинградским домом печати (Шуваловский особняк на Фонтанке)¹³. И все другие известные нам источники указывают на то, что Баскаков пришел в Дом Печати в конце 1925 или нач. 1926 гг., т. е. уже после смерти Есенина¹⁴. Так что встречу автора с Есениным во время визита к Баскакову надо поставить под серьезное сомнение. Не очень похоже на правду и то, что Клюев защищал от Есенина женскую поэзию, называя как аргументы имена Гиппиус, Ахматовой, Инбер и Шагинян.

Следующий эпизод воспоминаний начинается так: «В конце лета 1925 года или ранней осенью, точно не помню, у моего родственника собрались днем друзья и почитатели Есенина: Н. Клюев, Р. Ивнев, В. В. Князев, К. Вагинов, Н. П. Баскаков, Р. В. Иванов-Разумник, П. С. Коган, Ю. Тынянов и другие. Было еще несколько журналистов, артистов. Ждали Есенина, от которого была получена телеграмма. Если не ошибаюсь, он послал ее из Харькова, где был проездом» (С. 33). Сперва обратим внимание на список гостей. С трудом можно себе представить Вагинова и Тынянова среди друзей и почитателей Есенина. Присутствие П. С. Когана также выглядит вполне неожиданно. Однако не будем заниматься умозрением, а попробуем сопоставить рассказ Норд со вполне известным: Есенин в 1925 г. приехал в Ленинград только в начале ноября, что никак не похоже на «лето или ран-

¹³ *Полетика Н.* Воспоминания

<http://bookz.ru/authors/poletika-nikolai/wospominaiya/page-22-wospominaiya.html>

¹⁴ См., напр., биографич. справку о нем: «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М., <2000>. Т. 2. С. 641—642. И. Г. Терентьев на следствии показывал: «Так было до <19>26 года, то есть до переезда Ленинградского Дома Печати на Фонтанку в б<ывший> особняк графини Шуваловой. Тут председателем Правления Дома Печати Николаем Павловичем Баскаковым мне было предложено сотрудничество с Филоновым...» (Следственное дело Игоря Терентьева / Публ. С. В. Кудрявцева; вступит. ст. и прим. Н. А. Богомолова и С. В. Кудрявцева // Минувшее: Историч. альм. 18. М.; СПб., 1995. С. 598).

ною осень». И при этом никакой телеграммы из какого бы то ни было города, кроме Москвы, от него получить было невозможно, поскольку ехал в Ленинград он именно оттуда. Трудно сказать, насколько вероятно знакомство Норд с провинциальной прессой, но не исключено, что источником ее рассказа явилась харьковская газ. «Вечернее радио» от 8 июля 1925 г. с известием о приезде в город Есенина. Однако на вырезке из газеты сам поэт написал: «Ничего подобного, даже не собирался»¹⁵. Кажется, вся эта история придумана Норд, чтобы придать убедительности той подборке стихов Есенина, которую автор составляет, чтобы внушить читателю: «Но быть поэтом и гражданином при советской власти, которая искала и жаловала лишь поэтов-лакеев, было нельзя. Есенин это понял. <...> Я очень рада, что мне не пришлось видеть Есенина пьяным, хулиганствующим. Образ его, привлекательный своей смелой, непосредственной искренностью, всепобеждающей любовью к России: “Я буду воспевать всем существом поэта шестую часть земли с названьем кратким «Русь”», — остался на всю жизнь в моей душе» (С. 36).

Двигаемся далее. История ничего не знает об избиении Есениным в 1924 г. ломового извозчика и милиционера¹⁶, о стихотворении Демьяна Бедного «О советском аристократе, рыдающем о пропавшей кошке Машке» и тем более об ответе Есенина на это стихотворение (и тот и другой факт должны свидетельствовать о любви Есенина к животным). Трудно решить, относятся ли рассказы Клюева о ненависти Есенина к Октябрю, особенно после кровавого подавления Кронштадтского мятежа, вымыслом его самого или же Норд, но сам вымысел вне сомнения¹⁷. Замечательны своей уверенностью в том, что Есенин похоронен в Ленинграде, строки: «И ни над одним не звучали так проникновенно, отдаваясь в сердцах провожавших, такие слова, как “Слезы о поэте”, прочитанные Н. Клюевым у открытой могилы. И это был не единственный плач. <...> Молчавшие плакали навзрыд, и слезы эти упали

¹⁵ Белоусов В. Сергей Есенин: Лит. хроника. М., 1970. С. 2, 196.

¹⁶ Судя по всему, здесь у мемуаристки подсознательно сработала память о «Праве на песнь» В. Эрлиха (гл. «На улице» и многочисленные записи об отношении Есенина к милиции).

¹⁷ В 1921 г. Клюев почти не выезжал из Вытегры и его встреч с Есениным не зафиксировано. Документальных свидетельств об отношении Есенина к Кронштадтским событиям, насколько мы знаем, не существует.

вместе с первыми комьями земли на крышку гроба поэта» (С. 43). Еще можно понять преобразование «Плача о Сергее Есенине» в «Слезы о поэте», но вряд ли очевидец мог не видеть, что «Никто не произносил речей. <...> Клюев склонился над телом и долго шептал и целовал его»¹⁸. Разговор о пресловутом «Ответе Демьяну Бедному» («Послание евангелисту Демьяну») можно было бы вообще не разбирать¹⁹, если бы не добавочная информация, которую приводит автор: «<...> стали говорить, что автор “Ответа” “даже не принадлежит к квалифицированным поэтам”.

“Назовите его, — написал в Москву А. К. Воронскому Баскаков. — Если на горизонте показался такой талант, надо его вытянуть. Я немедленно издам его. Не он ли является автором ‘Повести непогашенной луны’?..”

Последний вопрос был полон яда: автора “Повести непогашенной луны” Б. Пильняка, после опрометчивого опубликования ее в “Новом Мире”, Воронский по просьбе Луначарского долго уговаривал подписать открытое письмо в редакцию, что “Автор ‘Повести непогашенной луны’, желая просунуть свое первое произведение в толстый журнал, ввел в заблуждение редактора — подписался моим псевдонимом”.

Пильняк наотрез отказался отречься от авторства. Мало того, он еще пожаловался Горькому, с которым был близок. Горький написал Луначарскому возмущенное письмо. Но Пильняку этого не простили — выждав время, его убрали в годы всесоюзных кровавых инсценировок Сталина: выслали, а может быть, расстреляли» (С. 48).

Здесь нагромождена такая бездна несуразиц, что полностью распутать ее трудно. О письме Баскакова к Воронскому мы ничего не знаем, но зато хорошо знаем, что «Повесть непогашенной луны» была завершена в янв. 1926 г., после смерти Есенина, и, соответственно, в том же году напечатана. Воронский не собирался уговаривать Пильняка отказываться от авторства, хотя (вместе с Луначарским) получил выговор от Политбюро ЦК ВКП(б) и ему было поручено специальным письмом отказаться от посвящения

¹⁸ Дневниковая запись П. Н. Лукницкого цит. по: *Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: Биография.* СПб., 2007. С. 543—544.

¹⁹ Норд вполне могла знать, что еще в 1949 г. Р. Березов даже назвал имя подлинного автора «Послания» (см. об истории публ. и поисков автора стих.: *Есенин С. А. Полн. собр. соч.:* В 7 т. М., 1996. Т. 4. С. 530—533).

«Повести». Пильняк вовсе не был близок к Горькому, а скорее наоборот. Горькому «Повесть» откровенно не нравилась, и никакого письма Луначарскому он не писал²⁰.

Поиски подобных несуржиц можно было бы продолжать и далее, если бы не одна особенность, выявившаяся уже не в советское, а в постсоветское время: разбиравшаяся нами глава из книги Норд была перепечатана в книге «Есенин глазами современников»²¹, но с существенными купюрами. Часть этих купюр, судя по всему, была вызвана желанием не подрывать доверия к автору, путающему все и вся. Но часть только таким стремлением не объяснить. И здесь, как нам кажется, мы сталкиваемся еще с одной существенной темой: расчетливое препарирование образа Есенина для воссоздания его благостного образа. Убирается пьянство: «Ты выпил достаточно, для разгона, — отодвигая бутылку, к которой потянулся Есенин, сказал хозяин дома» (С. 34), но особенно решительно — ненависть к советской власти, о чем мы уже говорили: «Но быть поэтом и гражданином при советской власти, которая искала и жаловала лишь поэтов-лакеев, было нельзя. Есенин это понял» (С. 36); «Как часто Сергей доходил, видя лицо Октября, до иступления, — рассказывал Н. А. Клюев вскоре после гибели поэта. — В таком состоянии он написал “Кобыльи корабли”. <...> Второй раз я видел его невменяемым после Кронштадтского мятежа» (С. 38).

Особенно заметно такое стремление при редактировании двух отрывков об отповедях Есенина Демьяну Бедному. Какие бы то ни было упоминания о «Послании евангелисту Демьяну» из нынешней публикации убраны, зато оставлен намек на еще более фантастическую «первую отповедь», созданную в 1924 г. Оставлен потому, что рисует любовь Есенина к животным.

Таким образом выхолащивается идеологическая направленность книги Лидии Норд, не стесняющейся откровенного вымысла ради отвержения советской власти и почти всего, что было с нею связано²².

²⁰ Подробнее об отношении Горького к Пильняку см.: *Примочки на Н. Н. Писатель и власть*. М., 1998. С. 200—216.

²¹ См.: *Есенин глазами современников / Подгот. текста и коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой*. СПб., 2006. С. 420—426.

²² См. в высшей степени справедливое суждение: «Отдельного внимания Лидия Норд заслуживает как один из наглядных представителей “ан-

В заключение приведем первую часть большого письма Норд к Н. Н. Берберовой, вторую половину которого, относящуюся к личности автора, мы уже публиковали²³:

«Многоуважаемая госпожа Берберова!

Сознаюсь, что я привыкла слушать лестные отзывы о моих статьях, но Ваша, неожиданная и незаслуженная похвала меня потрясла и ошеломила. (Говорю это без всякого преувеличения). Ошалев от радости, я должна была пережить ее, привыкнуть к ней, прежде чем Вам ответить, — иначе я способна была написать такое письмо, что Вы просто сочли бы меня сумасшедшей. Сколько раз меня тянуло написать Вам! Но я боялась быть навязчивой.

Сначала я постараюсь ответить на Ваши вопросы, а потом расскажу вкратце о себе.

С К. Вагиновым и его женой (она была поэтесса и ее звали, если не ошибаюсь, Александрой Николаевной) я познакомилась у Натальи Петровны Терновской. Это было приблизительно за год до его смерти. Выглядел он и тогда жутко, — худой, желтый и как будто пришибленный горем. В то время я была только “жена своего мужа” и к литературе никакого отношения не имела (хотя меня тянуло к либеральной <?> юнности <так!>).

Встретилась я там же с Вагиновым несколько раз. Позже я узнала, что перед нашим знакомством советские критики ополчились на него за его книгу “Козлы и капуста”, а также за напечатанную в журнале повесть, и с тех пор редакции не стали принимать его произведений. Жена его, бросив писать (она тоже оказалась “несозвучной”), брала на дом корректуру, чтобы поддержать здоровье мужа. И в то время никто из нынешних “маститых литераторов” не поддержал их ни материально, ни морально.

Когда поэт Н. Заболоцкий выступил в Союзе писателей с резкой речью в защиту Вагинова и указал на его бедственное положение, там спохватились, но было поздно: Вагинов умирал от истощения и моральной депрессии.

тисоветского мемуарного канона”...» (Культура русской диаспоры: Эмиграция и мемуары. С. 204).

²³ См.: *Богомолов Н. А.* Указ. соч. С. 39—41.

Тынянов от начала и до конца своей жизни (при советской власти) держался и жил скромнее многих других литераторов. Он много работал, собрал исторические документы, но опубликовал мало книг. “Ровно столько, чтобы мне хватило на жизнь”, — говорил он.

Последнее время Каверин стал обгонять его (их жены — родные сестры) и получил более широкую известность. Он был политически “шире и гибче” Тынянова. Кроме того, его книга “Два капитана” явилась по существу первой занимательной книгой для юношества. В доме у Кавериных я не бывала, встречалась с ним изредка у Тынянова, а больше в редакциях или в “Доме писателей”. Перед войной он стал тучнеть, и вид всегда у него был довольный и веселый.

С М. Форманом <так> я близко знакома не была, но печальную его историю знаю. Он был обвинен в литературных и политических уклонах, а также в “нечутком отношении к молодым, пролетарским талантам” и смещен, а затем за связь с “антисоветскими элементами” арестован. Его, как и Замятина, погубил донос М. В. Борисоглебский. Знали ли Вы его?

В 1939—40 гг., когда из тюрем стали появляться выпущенные на свободу, то плохая слава как о доносчиках пошла о М. Слонимском и особенно о Тихонове.

Слонимский всегда был ярким сторонником Сталина и большим подхалимом. Особенно я убедилась в этом, побывав на финской войне.

“Тихоня-Тихонов” долго носил маску, но он сыграл гнуснейшую роль в период “чисток”, за это и был награжден орденом Ленина. Я лично слышала от Тынянова и других, что Тихонов предал талантливого писателя Сергея Адамовича Колбасьева (автора книги “Поворот все вдруг”): — он донес, что Колбасьев был близок с Гумилевым, занимается антисоветской деятельностью и имеет переписку с заграницей. Колбасьева расстреляли. Оказалось, Тихонов доносил и на Сологуба, Клюева, Ахматову, Мандельштама и др. Представляете, дорогая, какая гнусная атмосфера царит в советской писательской среде? Зависть, стремление быть первым, погоня за орденами, — все это приводит к службе в Н.К.В.Д.

Федина я знаю и люблю его как писателя и как человека. Пишет он очень мало, вернее, мало публикует. Его, как и В. Лидина, Сталин недолюбливает.

Я тоже не знала, что Н. Чуковский стал уже дедушкой; очевидно, это произошло в послевоенные годы. Знаю о неладах в их семье. По-моему, он был несчастлив в браке. Кроме того, уже происходили непрерывные ссоры с отцом (из-за тяжелого характера К. Чуковского). Перед войной они окончательно разошлись, и Коля, забрав семью и мать, переселился на отдельную квартиру. Последнее время он почти не работал и превратился в комок нервов.

О том, что Над<ежда> Алек<сеевна Пешкова> является агентом НКВД (так же, как Слонимский, Борисоглебский, Тихонов, Влад. Ставский и ряд др.), сообщил литераторам, бывшим вместе с ним в ссылке, прежний прокурор Лен. области Леопольд Карлович Аверкиев (позже, до самого ареста, он был начальником информационного отдела Московского Н.К.В.Д.).

Над. Алекс. вошла в семью Толстых, очевидно, по зданию Н.К.В.Д. С этой целью она предпринимала все, чтобы обворожить молодую жену Толстого. Разумеется, она ходит поныне в “кремлевских дамах”, еще больше, чем при живом муже и свекре.

Перед войной ей отвели быв<ший> особняк английского посольства в Москве. Она жила там с детьми на широкую ногу и не боялась поддерживать сомнительные в политическом отношении знакомства, и при этом очень часто появлялась в Кремле, на приемах и запросто, пользуясь постоянным пропуском.

Судите сами, не странно ли?

Знаете ли Вы о том, что на процессах 1937-38 гг. она выступила как свидетельница? Об этом писалось в советских газетах. Правда, ее показания не были опубликованы в “отчетах процессов”, лишь сообщалось, что “суд допросил Н. А. Пешкову при закрытых дверях”.

Как она вела себя во время пребывания в Париже? Разыгрывала убитую горем вдову или нет? Кстати, она получила пожизненную пенсию, превышающую пенсию Е. П. Пешковой (?!). И на детей получила отдельно.

Если бы я сейчас смогла бы перелететь к Вам, то рассказала о многих и много полнее и глубже. Относительно судьбы сестер

Наппельбаум я боюсь писать, не уверена в том, что моя информация будет верна. Поэтому я проверю мои сведения у одних моих знакомых (они тоже в Англии), которые жили по соседству с Форманами, и потом напишу Вам»²⁴.

На этом письме Берберова сверху написала: «Ольга Норд (одна из жен генерала Тухачевского). This material is not accurate, and Nord is gossipy and unreliable. N. B.».

²⁴ Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Boris I. Nicolaevsky Collection. Series 233. N. N. Berberova Papers. Box 401. Folder 61. В дополнение приведем также купированный в нашей прежней публ. фрагмент письма, также передающий сведения Норд о других людях, а не о самой себе: «P.S. Забыла написать — о Е. П. Пешковой я ничего не знаю. Слухов, что она была связана с НКВД, — не было. Она мало принимала участия в советской общественной жизни. Последнее время хворала — говорили, что никак не может оправиться после потери сына и смерти М. Горького. Знали ли Вы Борисова? (автор книги «Ход конем», сам он небольшой, шуплый, с восторженными глазами). А Сашу Семенова? Он был приятель Формана <речь идет о поэте М. Фромане> и тоже писал стихи (по-моему, неважные)». И еще — отрывок из другого письма: «<...> спешу сообщить о судьбе Ваших приятельниц, сестер Наппельбаум: — та, которая была замужем за Фроманом, после его смерти вышла замуж за латышского писателя Яна Кального, но вскоре он был арестован и осужден на 10 лет. Ее не тронули, и жила она, занимаясь переводами и корректурой. Сестра ее уехала в Москву и работала в Госиздате. До войны обе были живы, но в "тени", т. е. работали, чтобы существовать, стараясь поменьше встречаться с знакомыми по редакциям и держась замкнутого круга немногочисленных друзей, в большинстве тоже гонимых».